

V. V. Попов

О СВЯЗИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА СО СВОБОДОЙ: НЕКОТОРЫЕ ЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматривается проблема естественности прав человека. Внимание обращено на допустимость установления естественности информационно-логических преобразований данных прав в различных контекстах.

Исследование информационного статуса прав человека проводится через поиск допустимости признания их как высказываний алетического характера, высказываний о возможном, поскольку традиционным для философской и правовой литературы является связывание прав человека со свободой.

Обращается внимание на различные проблемы, возникающие в ходе признания прав человека определенными свободами (возможностями). Данные проблемы позволяют как максимум устанавливать связь между нормами и возможностями на основании принципа «не существует обязанности выполнить невозможное» как условия рациональности нормативной системы. Но при этом обосновывается нетождественность нормативных и алетических модальностей и их несводимость друг к другу. Данный вывод делается на основании формально-логического дискурс-анализа нормативных модальностей.

Отмечается необходимость использования традиционных подходов к алетическим модальностям в юридических исследованиях и обосновывается деконструктивность произвольной интерпретации подобных модальностей в правовой науке.

Кроме того, автор показывает необоснованность использования формально-этического равенства нормативных и алетических модальностей для попытки их отождествления. Данная необоснованность обусловлена особенностями формирования предмета нормативного регулирования.

В силу данных особенностей рассмотрение прав человека как проявление свободы через рассмотрение их как алетических высказываний признается нецелесообразным.

Ключевые слова: права человека, естественное право, права человека как возможности, информационный статус прав человека, естественность прав человека, происхождение прав человека, права человека как алетические модальности, мера возможного поведения, право и свобода, беспредметность науки, бессодержательность науки, возможность и необходимость в праве, должное и возможное.

V. V. Popov

HUMAN RIGHTS AND FREEDOM: SOME LOGICAL PROBLEMS

The article concerns the problem of human rights naturalness. Attention is focused on admissibility of natural information-logical transformations of these rights in different contexts.

Study of the information status of human rights carried out by searching the admissibility of statements recognizing them as alethic statements, statements of possibilities because the traditional philosophical and legal science shows close relationship between human rights and freedom.

The attention is paid to various problems arising during while we recognize human rights as certain freedoms (opportunities). These problems allow to establish connection between norms and opportunities on the basis of the principle «there is no duty to execute impossible» as a condition of rationality of standard normative system. But the author shows impossibility to identify normative and alethic modalities and their not reducibility to each other. This conclusion is drawn on the basis of formal and logical a discourse analysis of normative modalities.

The author underlines the need to use of traditional approaches to alethic modalities in legal researches and pointed out the destructiveness of loose interpretation of these modalities locates in legal science.

Need of use of traditional approaches to alethic modalities in legal researches is noted and the

deconstructiveness of any interpretation of similar modalities locates in legal science.

Besides, the author shows the groundlessness of identity of normative and alethic modalities even when this identity is based on ethical equality of normative and alethic modalities. This groundlessness is caused by special features of normative regulation area.

Owing to the granted features consideration of human rights as freedom manifestations through their consideration as alethic statements admits inexpedient.

Keywords: Human rights, natural Law, human rights as opportunities, information status of human rights, naturalness of human rights, origin of human rights, human rights as alethic modalities, measure of possible behavior, right and freedom, pointlessness of legal science, opportunity and necessity for the Law, due, obligatory and possible

Богатый опыт защиты прав человека, а порой и борьбы за эти права как внутри отдельно взятых стран, так и на международной арене, позволяет выявить множество проблем, демонстрирующих некую обоюдную остроту идеи прав человека. Эта острота с одинаковым успехом отсекает недоброе и рассекает, уничтожает доброе.

Нечистоплотность злоупотреблений идеей защиты прав человека прикрывается самыми пафосными лозунгами. Большой популярностью пользуется идея борьбы за свободу. Нечто «аморфно-хорошее» разрастается, формируясь в массовом сознании в устойчивый образ. Эта устойчивость поддерживается силой интеллектуально убогих, дебилизирующих голливудских поделок и неприлично навязчивой пропаганды «вещателей истины» от бастионов (псевдо?) демократии. Пропаганды, странно устойчиво идущей в канве опыта доктора Геббельса.

Часто «срывание покровы добродетели» происходит при использовании довольно элементарных вещей, например при разделении логического и идеологического в самих подходах к изучению явлений.

Рассматривая связь прав человека со свободой, попробуем оттолкнуться от такого аспекта онтологии прав человека, как их информационный статус. В частности, рассмотрим вопрос, к высказываниям какого рода можно отнести права человека, если понимать их как информацию, но при этом связывать со свободой?

Представляется, что наибольшее сходство, по крайней мере, внешнее, права человека имеют с субъективными правами.

С точки зрения своего информационного статуса субъективные права часто понимаются как мера возможного поведения, например, как «гарантированные возможности пользования

каким-либо благом» [10, с. 55], «объективные условия, возможности жизнедеятельности человека» [11, с. 214],

В официальных документах часто встречается формализация прав человека как негативных возможностей, в частности, «Никто не может быть (умышленно лишен жизни, быть признан виновным, лишен свободы...)» и т. д. (см., например, Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г.).

Е. А. Лукашева прямо относит права человека к субъективным правам, понимая последние как возможности: «Права человека — это субъективные права...выражающие возможности индивида...» [9, с. 94].

И даже если в данном случае принять за истину утверждение о том, что права человека не сводимы к субъективным правам, то это утверждение вполне допустимо парировать указанием на весьма частое отнесение уже именно прав человека к мерам возможного поведения [12, с. 118].

Л. Д. Воеводин понимает конституционные права как возможности [1, с. 138], оговариваясь, однако, что целесообразно речь вести не вообще о возможностях, а о правовых возможностях [1, с. 138—139].

Достаточно очевидно, что понимание некоего поведения как поведения *возможного* наиболее близко пересекается с категорией свободы. Конечно, категория свободы часто сама весьма свободно трактуется, поскольку не имеет четко определенного, формализованного значения и смысла. Однако довольно устоявшейся, распространенной привычкой словоупотребления и в повседневной жизни, и в сферах профессиональных, политико-идеологических, и в научной, академической среде является связывание свободы именно с некой возможностью о меньшей мере, юридических

контекстах.

Так, в «Декларации прав человека и гражданина» (1789 г., Франция) свобода человека трактуется как возможность «делать все, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Пределы эти могут быть определены только законом» [2].

В силу отмеченной привычности, тенденции словоупотребления, но не строгой формализованности, научной однозначности, представляется полезным рассмотреть соотношение прав человека со свободой как в логическом, так и в идеологическом аспектах.

Если говорить о логическом аспекте соотношения прав человека со свободой, а саму свободу при этом понимать именно как меру возможного поведения, то, по сути дела, мы говорим о придании правам человека такого информационного статуса, как алетические высказывания.

Алетические высказывания — это высказывания с алетическими модальностями. Иногда такие модальности называют классическими, поскольку их связывают с именем такого классика логики-философской мысли, как Аристотель («алетический» — слово греческого происхождения, означает «истинный»).

Но проблема состоит в следующем.

Если понимать права человека как алетические высказывания, как информацию (по меньшей мере, как даже не объективированную мысль) о мере возможного поведения, придется решить вопрос о природе данной возможности. Согласно самой природе данных модальностей, которая исследуется уже не одну тысячу лет, согласно доказанной, устоявшейся в логики-философской литературе позиции, рассматриваемая возможность, равно как и необходимость (определимая через эту возможность), может быть либо логической, либо физической (онтологической, фактической).

В случае с логической алетической модальностью основаниями, обуславливающими принятие истинности или ложности суждений, выступают структурно-логические характеристики самих суждений.

В случае с физической (онтологической,

фактической) модальностью детерминированность истинности суждения основана на фактическим положением дел в реальной действительности и зависит от законов природы.

Конечно, даже в случаях с физическими модальностями речь идет об обосновании истинности суждения. Но поскольку такое обоснование жестко привязано к онтологическим факторам, то сам выбор модальности будет отражать действительную связь между этими факторами.

В некотором смысле логические алетические модальности иерархически более строги, они как бы доминируют по отношению к физическим. То, что физически невозможно, невозможно в рамках известного нам физического континуума (и в рамках известных нам законов природы), т. е. невозможно в нашем мире, все же является логически возможным, т. е. возможным в иных возможных мирах. Но то, что невозможно логически, всегда невозможно и физически.

Если придавать правам человека характер некой логической возможности, то фактически мы будем говорить не более чем о суждениях, определяя их истинность через иные суждения с помощью законов логики. Вряд ли такие внеэмпирические манипуляции будут продуктивным научным поиском в контексте нашего исследования.

Если же придавать правам человека характер возможности физической, то следует установить — будем ли мы говорить о том, что в мире отсутствуют препятствия в виде законов природы для того, чтобы человек вел себя неким образом? Например, не препятствуют ли законы объективного мира тому, чтобы человек свободно покинул свою страну. В сугубо теоретическом плане к этому нет препятствий, однако, думается, что не эти идеи лежали и лежат в основе прав человека. Посему это не совсем то, что является предметом нашего исследования.

Если мы будем устанавливать возможность некой связи, то между какими феноменами? Это определенно не связь между собственно человеком и его поведением («возможно, что он поведет себя таким-то образом»), поскольку отделение субъекта от собственного поведения — слишком сильное, «слишком искусственное» допущение, применяемое лишь в специфических, например, познавательных целях, но не являющееся адекватным описанием реальности.

Например, если мы говорим о свободе передвижения, о том, что человек «может» свободно передвигаться, то очевидно, что это не связь между неким человеком и собственно его передвижением («существующим» отдельно от данного человека).

Если же смотреть на эту возможность как не столько на связь между двумя феноменами, сколько как на возможность наступления некоторого феномена в некоем возможном мире, например, как на возможность того, что некий человек будет передвигаться (так-то и так-то), то это уже будет не столько возможность, сколько вероятность, что несколько выходит за пределы нашего рассуждения.

В любом случае, физическая возможность предполагает формализацию прав человека через т. н. законы природы, наподобие законов термодинамики и т. п. Думается, что на сегодняшний момент успешных попыток подобной формализации не было сделано. На взгляд автора, на сегодняшний день не выявлено успешных попыток хотя бы сформулировать предпосылки для подобной формализации в будущем, что вполне естественно и подтверждено многовековой научной практикой. Человеческое поведение, не будучи причинно обусловлено (в строгом смысле слова) в терминах необходимости, нет большого смысла выражать и через термины возможности, поскольку данные модальности взаимоопределимы. С этим как раз и связано появление в гуманитарных науках мотивационного и телеологического, а не причинного объяснения. По крайней мере, таково положение дел в науке на сегодняшний день.

Существует, однако, еще одна, причем более серьезная, в силу своей непреодолимости, теоретическая проблема в связи с отнесением прав человека к алетическим высказываниям.

Возможность, невозможность, необходимость как алетические модальности сводимы друг к другу, взаимоопределимы и выводимы друг из друга. Однако, если устанавливать смысловую, логическую, т. е. минимально реальную, а не мнимую, желаемую и т. д. связь между правами человека и правом объективным, то следует решить проблему взаимосвязи алетических модальностей с модальностями деонтическими.

Такой подход обусловлен тем, что, на наш взгляд, недопустимо отрицать понимание права объективного как феномена, включающего в себя

определенные нормы, предписания общего характера. Сами же нормы являются деонтическими высказываниями, построенными с помощью таких модальностей, как «обязательно», «запрещено», «разрешено», хотя сложились некие обыкновения отступления от строгости в использовании именно данной терминологии. Тем не менее обыкновение использовать ненормативную форму высказывания не изменяет природы нормативного содержания данного высказывания. Нормативность в таких случаях задается контекстом высказываний (например, нормативно-правовым актом). При этом не следует смешивать лингво-психологические и логические аспекты высказываний.

Итак, в случае признания прав человека алетическими высказываниями проблемой будет являться связь алетических и деонтических модальностей.

Отождествление алетических и деонтических модальностей является фундаментальной логической ошибкой, делающей дальнейшее рассуждение беспредметным, т. е. не связанным с какой-либо объективной реальностью.

Алетические и деонтические модальности друг к другу не сводимы. Эти модальности друг из друга не выводимы.

Возможность не сводима к разрешению и не выводима из него (и наоборот).

Невозможность не сводима к запрещению, не выводима из него (и наоборот).

Необходимость не сводима к обязыванию и не выводима из него (и наоборот).

Впрочем, следует сделать две оговорки.

Первое. В некоторых случаях прямо говорят о «деонтических» необходимостях и возможностях. В этом случае речь идет не более, чем о своеобразной игре слов. Вероятно, это продиктовано привычкой обывденного, а, к сожалению, иногда и профессионального словоупотребления. С таким же успехом модальность «разрешено» можно было бы заменить словом «радушно», «оптимистично», а «запрещено» — словом «грустно», «пессимистично» и т. д. Но вряд ли подобное умножение терминологии способствует научному принципу однозначности именованию.

Второе. Вопрос о невыводимости алетических и деонтических модальностей (собственно этих модальностей, без подмены понятий и игры слов) не всегда решался именно так. Еще в 1671 г.

Г. В. Лейбниц в работе «Elementa juris naturalis» высказал мнение о фундаментальном структурно-функциональном единстве аристотелевских (алетических) и юридических (деонтических) модальностей.

И только в 1951 г. Г. Х. фон Вригтом была предложена система модальной логики, названная деонтической (логика долга, логика норм), которая существенно корректировала идеи Г. В. Лейбница.

Г. Х. фон Вригт отмечал, что речь можно вести только о частичном соответствии деонтических и алетических модальностей. Такое соответствие не выражается в отношении эквивалентности, поскольку не является транзитивным.

Таким образом, отмеченная несводимость алетических модальностей к деонтическим (равно как и наоборот) справедлива для вригтовской модели и для формально-логического дискурса-анализа модальностей.

Однако некоторые ученые, отмечая неполноту подобного анализа, предлагают несколько иной подход, замещая логическую эквивалентность высказываний формально-этической равноценностью (поступков). В частности, подобное рассуждение лежит в основе многих весьма любопытных и оригинальных идей В. О. Лобовикова [4; 5; 6].

Думается, что в предлагаемом контексте такой подход, к сожалению, не вполне уместен. Введение новой схемы выводимости из «алгебры поступков» действительно предполагает новые альтернативы для рассмотрения некоторых логико-философских проблем. Но подобная формально-этическая равноценность поступков, могущая быть принимаемой в некоем психолого-лингвистическом аспекте, базируется на игнорировании определенных важных нюансов, отмечаемых, в частности Г. Х. фон Вригтом. Например, он подчеркивает разницу между неделанием и воздержанием от поведения.

Это важное различие, поскольку при рассмотрении неделания можно оперировать как деонтическими (т. е. нечто не делается, поскольку оно запрещено), так и алетическими модальностями (т. е. нечто не делается, поскольку оно невозможно). При рассмотрении воздержания от поведения можно оперировать лишь деонтическими модальностями, т. е. нечто не делается, поскольку оно запрещено. Воздерживаться от невозможного бессмысленно. Хотя следует учитывать именно данный аспект

связи алетических и деонтических модальностей. Это не прямая связь, но условие выполнимости требований нормативных систем, минимальное условие рациональности таких систем. Алетические модальности при этом используются как фундамент для разумности введения деонтических модальностей, т. е. некое поведение есть смысл запрещать потому, что существует возможность его совершить («impossibilium nulla obligatio est — не существует обязанности выполнить невозможное»).

С точки зрения автора настоящей статьи, такая деталь, как различие «неделания» и «воздержание от делания», очень важна для таких контекстов, как анализ регулятивных систем, поскольку сам смысл введения некоего нормативного регулирования появляется именно тогда, когда речь идет об альтернативе — совершить поведенческий акт либо воздержаться от него. Именно подобная альтернатива и формирует потенциальный предмет нормативного регулирования, т. е. некое поведение, являющееся как минимум сознательно-волевым, мотивированным и целенаправленным (в значимом для создателя нормы направлении).

Неделание же, взятое само по себе, без уточнений может и будет являться формально-этически равноценным воздержанию от делания, но не будет предполагать введения предмета нормативного регулирования в виде именно сознательно-волевого, мотивированного и целенаправленного поведения.

Именно поэтому можно говорить, что замещение логической эквивалентности формально-этической равноценностью нивелирует регулятивную функцию нормативной системы, в данном случае — регулятивную функцию права. Более того, подобное нивелирование обесценивает вообще рассуждение о каких бы то ни было нормах.

Именно в данной связи подобный подход, когда формально-этическая равноценность вместо частного и довольно ограниченного, сугубо умозрительного, абстрактного (говоря словами В. О. Лобовикова) применения расширяется настолько, что замещает логическую эквивалентность высказываний, представляется нецелесообразным. Подобный подход нивелирует регулятивную функцию права.

Впрочем, необходимо отдать должное В. О. Лобовикову, когда он признает, что вводимая им

модель не отрицает подхода Г. Х. фон Вригта.

Именно поэтому в рассматриваемом контексте сведение дискурс-анализа модальностей к его формально-логическому аспекту, являющемуся доминирующей вригтовской моделью, представляется обоснованным.

Следует добавить, что при поисках возможности замещения логической эквивалентности высказываний формально-этической равноценностью поступков В. О. Лобовиков осуществляет, на наш взгляд, смешение дескриптивных высказываний с эпистемическими, а также с оценкой эпистемических высказываний [7, с. 113—122], что ни в коей мере недопустимо.

Итак, наделять права человека статусом алетических модальностей недопустимо и, прежде всего, в силу невозможности их дальнейшей связи с правом нормативным.

Вместе с тем, к сожалению, в юридической науке данный факт нередко игнорируется, что не только не способствует авторитету юридической науки, но и может негативно сказываться на юридической практике.

Например, Л. Д. Воеводин, раскрывая природу прав человека, совершенно прав, когда называет интересным [1, с. 138] мнение Г. В. Мальцева, полагающего, что «юридическая обязанность есть не только должное, но и возможное в человеческом поведении» [8, с. 71]. Действительно, в данном случае мысль Г. В. Мальцева согласуется с принципом *impossibilium nulla obligatio est*. Однако ход рассуждения обоих авторов таков, что указанная мысль выглядит почти как случайно правильный вывод.

В частности, Л. Д. Воеводин отмечает, что категория должного не выражает в полной мере природу юридической обязанности. И поэтому раскрывать природу юридической обязанности следует через категорию необходимости [1, с. 138]. В данном случае Л. Д. Воеводин солидаризуется с учеными советской юриспруденции. Например, С. Ф. Кечекьян отмечает, что юридическую обязанность следует понимать через необходимость, поскольку в данном случае мы сможем обосновать справедливость содержания правовых предписаний. Эта справедливость, правильность будет обусловлена самой системой поведения людей, т. е. сложившимися отношениями [3, с. 60].

Данная мысль развивает положение классиков марксизма о том, что законодатель не столько формирует, сколько формулирует право. И делается это в отношении советского права как права, которое описывается как более совершенное по сравнению с правом капиталистических стран. Именно для этого и понадобилась такая строгая категория, как необходимость. Ведь необходимость, например физическая (онтологическая), предполагает, например, объективную, непреложную связь между явлениями (в случае полной причинности).

В данном случае совершенство советского права представлялось именно как непреложность в своем превосходстве, как объективная связь между базисом и надстройкой, но не как произвольная, надуманная оценка превосходства. Термины необходимости как бы вводили непогрешимость апологетики советской государственно-правовой действительности. Именно в этом проявлялась политико-прагматическая функция советской юридической науки.

Да, С. Ф. Кечекьян совершенно честно заметил, что термин «необходимость» в данном случае употребляется не в философском смысле. Автором был избран иной смысл — некая социальная связанность (поведение обязанного лица со сложившимися отношениями, со всей системой поведения людей в данном обществе).

Безусловно, оправдание содержания правовых велений весьма важно идеологически, поскольку любое правовое веление — это все-таки навязывание чужой воли, даже если это воля «своего» органа власти. Однако в данном случае не следует использовать некое научное лукавство, подменяя логические аспекты проблемы идеологическими соображениями.

Если речь не идет о «философском» употреблении термина «необходимость», при том, что именно такое употребление изучалось на протяжении тысячелетий, выражено в строгом искусственном алгебраическом языке логики, с доказанностью преобразований, взаимоопределимостью, то не следует, используя научный потенциал изначального термина, столь вольно с ним обращаться. Если нет возможности строго научно формализовать «юридическую», «политическую» и прочие произвольно придумываемые виды необходимости, то не следует вообще использовать данный термин.

В противном случае одна «научная вольность» влечет за собой другую, и есть риск дойти до некоего научного произвола. Например, начав столь свободно употреблять термин «необходимость» в объяснении обязанностей, мы уже видим легкость придания возможности характера необходимости [8, с. 74]. Перечеркивая с легкостью мудрость тысячелетий, можно не менее легко заменить отсутствие логической связи наличием некоего «органического соединения» и «взаимного проникновения». Действительно, если совмещать реальные алетические ряды разного уровня (например, онтологические и логические), то, скажем, необходимое онтологически (физически) будет в другом ряду возможным логически. Но это не однопорядковое сочетание, сочетание не в одном алетическом ряду, иначе вообще теряется смысл различения необходимого и возможного. А если мы вдобавок вводим еще и произвольные (псевдо) алетические ряды (например, «политическую» необходимость), то можно вообще говорить о любом сочетании: «органическом», «диалектическом», «историческом», «матричном» и т. п.

Но в случае такого сочетания мы рискуем потерять предмет научного поиска. Например, если мы начинаем «моделировать» логически невозможные вещи (сочетая несочетаемое в одном алетическом ряду), то мы используем язык с пустой предметной областью. Мы вообще не описываем и не объясняем никакую реальность. Если подобные факты манипулировать наукой имели место быть, то не получаем ли мы объяснение определенного бездействия науки (за некоторыми исключениями) в период социальных потрясений?

Вначале мы с легкостью подменяем термины в апологетике государственно-правовой действительности советского периода. В науке появляется бессодержательность. Интеллектуальная честность замещается манипуляцией словами и сознанием. Вместо того, чтобы использовать древний принцип, сформулированный еще Конфуцием — «чжэ мин» (исправление имен), мы фальсифицируем имена. Вместо того, чтобы показать реальные, серьезные достоинства, например, советского государства и права, мы закрывали реальные достоинства бессодержательными словесными штампами, потому что эти штампы закрывали, заодно с

достоинствами, также и многочисленные недостатки.

Такая иногда встречающаяся бессодержательность науки позволяла вначале в терминах необходимости объяснять возникновение советского государства, а затем ровно в тех же терминах объяснять неизбежность распада этого государства. Хотя необходимость логически предполагает невозможность того, что не соответствует необходимости. Причем нередко подобное объяснение «неизбежности» разрушения делалось теми же людьми, кем обосновывалась «невозможность» подобного разрушения. Сложно не заметить, что на роль теоретической предпосылки подобных околонуточных манипуляций легко подходит, например, «возможная необходимость». Эта универсальная формула позволяет в зависимости от разных прагматических обстоятельств «доказывать» все, что потребуется.

Такой отрыв науки от реальности, такой когнитивный диссонанс не мог остаться незамеченным в сфере высшего, да и не только высшего образования. Это влекло недоверие к гуманитарной науке, вносило деформацию в правосознание да и вообще в мировоззрение обучающихся, в менталитет будущей интеллигенции. Налицо уже идеологический ущерб. Не это ли обстоятельство явилось одним из факторов, повлекших слабую способность советской, российской интеллигенции оказывать хотя бы интеллектуальное эффективное противостояние вакханалии отхода от здравого смысла в период радикальных политико-экономических и иных преобразований нашего общества в последние десятилетия?

Именно поэтому в данном случае мы не можем вести речь об оправдании подобных отступлений от логической канвы в угоду идеологическим соображениям.

Таким образом, права человека не являются возможностями в строгом научном смысле. Если понимать свободу как возможность, то права человека не являются и свободами, даже несмотря на то, что в официальных документах сами права человека могут именоваться «свободами».

Список библиографических ссылок

1. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России: учеб. пособие. М., 1997.
  2. Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 года // Конституции зарубежных государств; сост. В. В. Маклаков. М., 1999.
  3. Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958.
  4. Лобовиков В. О. «Искусственный интеллект», формальная этика и морально-правовой выбор. Свердловск, 1988.
  5. Лобовиков В. О. Математическое правоведение. Ч. 1: Естественное право. Екатеринбург, 1998.
  6. Лобовиков В. О. Математическая логика естественного права и политической экономии (математическая философия экономики и права). Ч. 1, 2. Екатеринбург, 2005.
  7. Лобовиков В. О. Научная экспертиза логической формы доказательств в судопроизводстве или логическая подготовка юристов? // Вестн. гуманит. ун-та. Сер.: Право. 1996. № 1 (1).
  8. Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). М., 1968.
  9. Права человека: учебник для вузов / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2001.
  10. Проблемы теории государства и права / под ред. М. Н. Марченко. М., 2001.
  11. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. М. М. Рассолова, В. О. Лучина, Б. С. Эбзеева. М., 2000.
  12. Эбзеев Б. С. Конституция. Демократия. Права человека. М., Черкесск, 1992.
- © Попов В. В., 2014